

Некоторые особенности возрождения буддийского образования в Забайкалье в 1970–2000-е гг.*

On Some Peculiarities of the Restoration of Buddhist Education in Transbaikalia in the 1970–2000s

*В.В. Лыгденова (V. Lygdenova)*¹

¹ кандидат философских наук, научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ, Новосибирск). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Research Associate, Novosibirsk National Research State University (NSU, Novosibirsk). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации, которые произошли в Буддийской Традиционной Сангхе России в 1990-е гг. Основными проблемами, с которыми столкнулись руководители Сангхи, являлись: политика государства в советское время, отсутствие квалифицированных преподавателей по подготовке учащихся, недостаток средств, отсутствие переводчиков с тибетского языка, необходимость дальнейшего обучения выпускников за рубежом. В условиях постсоветского времени стало возможным создание собственного буддийского образовательного учреждения. В результате в 2000-е гг. в Бурятии были сформированы и функционируют два Института по подготовке лам — при Иволгинском и Агинском дацанах. В целом в статье рассматривается история формирования современного буддизма в России.

Ключевые слова. Буддизм, история религии, перестройка, образование, Традиционная Сангха России, этнография.

Abstract. The article examines the transformations experienced by the Buddhist Traditional Sangha of Russia in the 1990s. The main problems the Sangha's leaders had to deal with were as follows: the state policies during the Soviet period, absence of qualified teachers to train students, lack of funds, absence of Tibetan translators, need to further educate the graduates abroad. In the post-Soviet era, there appeared opportunities to establish independent Buddhist educational institutions. As a result, two religious training Institutions were formed under the auspices of Ivolginsky and Aginsky Datsans (monasteries) in the 2000s and have been functioning ever since. In general, the article discusses the history of Buddhism in contemporary Russia.

Keywords: Buddhism, history of religion, Perestroika, education, Traditional Sangha of Russia, ethnography.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФ № 14-28-00045.

История буддизма в Бурятии в советский и постсоветский периоды представляет собой противоречивый и во многих отношениях сложный для исследования пример системной трансформации, затронувшей все сферы религиозной деятельности. Эта перестройка коснулась как ее структурно-организационной, так и образовательной основ. Отделение церкви от государства после революции сопровождалось не только конфискацией церковного имущества, но и секуляризацией культурных традиций, школьных образовательных программ, а также и мировоззрения людей, ранее исповедовавших буддизм. В этой связи представляется актуальным рассмотреть особенности и этапы возрождения буддийского образования в Бурятии после окончания периода суровых репрессий, начиная с 1970-х гг. вплоть до начала 2000-х гг.

На современном этапе исследователями уже создан определенный задел в изучении функционирования буддийской церкви в Бурятии и Агинском автономном округе в указанный период [Лыгденова, Дашинамжилов 2014: 366–368]. В ряде монографий и сборников научных трудов советского периода затрагивалась ее административная и хозяйственная структура, культовые звенья, обосновывались необходимость и методики борьбы с религиозными пережитками [Вопросы преодоления 1973; Современные проблемы 1980; Кочетов 1973]. Перестройка и либеральные реформы изменили прежние негативные подходы к оценке роли религии в обществе. Исследователи стали иначе интерпретировать как современные процессы, так и события недавнего прошлого [Буддизм в Бурятии 2002; Урбанаева 2012]. Несмотря на то, что ученые сумели существенно продвинуться в изучении структуры и культовой стороны деятельности буддийской церкви, к настоящему моменту по-прежнему отсутствуют работы, в которых рассматривается становление буддийского образования как неотъемлемой части процесса возрождения религии в целом. В данной работе мы попытаемся частично восполнить этот пробел. Источниковую базу исследования составили сведения, опубликованные в периодической печати, законодательные акты, а также материалы интервью. Последние особенно ценны тем, что выразительно передают дух прошедшей эпохи, настроения и мировоззрение людей.

После окончания Великой Отечественной войны в Забайкалье была разрешена деятельность только двух дацанов — Иволгинского и Агинского. Однако их деятельность в сфере образования была ограниченной, буддийским священнослужителям было запрещено брать на учебу хуvaraков и готовить будущих лам. В 1970 г. в связи с определенными послаблениями в религиозной политике, а также усилиями хамбо-ламы Монголии Гомбожава и Бандидо хамбо-ламы СССР Ж.-Д. Гомбоева в Улан-Баторе при монастыре «Гандан тэчэнлийн» был открыт первый на территории Советского Союза и МНР буддийский институт. Долгое время он оставался единственным в своем роде, готовившим кадры духовенства. В соответствии с указанием Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 13.11.1969 № 267 были подобраны в Буддийский институт девять абитуриентов [Чимитдоржин 2001]. На открытии института, который состоялся 27 сентября 1970 г., присутствовали Бандидо хамбо-лама Ж.-Д. Гомбоев и дид хамбо-лама Ж.-Ж. Эрдынеев. Для будущих студентов были подготовлены культовая одежда, религиозная литература, им была установлена стипендия в размере 500 тугриков. Если в досоветское время обучение начиналось с раннего детства и продолжалось от 15 до 20 лет, то теперь его необходимо было завершить по истечении шести лет по заметно упрощенной программе.

Из воспоминаний Д. Мархаева, ламы Иволгинского дацана: «... родители были глубоко верующими, однако дети воспитывались в духе атеизма. В 1970 г. объявили первый набор в Институт буддизма в Улан-Баторе. Я заинтересовался, подготовил необходимые документы, прошел собеседование и был принят в числе первых семи слушателей из Бурятии, став студентом факультета буддийской философии. ... Учебный план института был адаптирован к требованиям современного вуза. Такие же лекции, семинары, коллоквиумы, зачеты и экзамены. Весь процесс после шестилетнего обучения завершался подготовкой и защитой дипломной работы...» [Петров 2001: 7].

По словам одного из выпускников института, «...нас было 10 человек, первых, кто поступил в Монголию. Поступлению

предшествовала долгая проверка на предмет лояльности советской власти. Наш набор себя по существу не оправдал, так как из нас готовили по большому счету не лам, а доносчиков, работавших на КГБ. Мы этому воспротивились, поэтому в дальнейшем эту идею отбросили. Были привлечены ученые из Монголии и наши. Из нас готовили тибетологов, дипломатов и лам. Программа обучения была насыщенной, в дипломе было 18 предметов: парамита, путь к просветлению, школа буддийских догм, мадхъямика, буддийская логика, буддийское церковное пение, тибетский язык, английский язык, монгольская письменность, современный монгольский язык, история мировых религий, история распространения буддизма в Монголии, история Монголии, буддийские обряды, тибетское курсивное письмо, конституция Монгольской народной республики. Кроме этих предметов, существовало немало факультативов...» [ПМА].

Необходимость проверки на благонадежность подтверждается и в интервью других священнослужителей. Так, С. Аюшеев, ширетуй Тамчинского дацана, рассказывает: «...я собрал документы, в то время мне было 19 лет, интересная была такая ситуация — документов было недостаточно. По каким-то причинам, может, время было такое, каждый желающий должен был пройти через решето Комитета государственной безопасности. Твой хороший аттестат, характеристика ничего не определяли, все решал так называемый Комитет по делам религий, сейчас думаю, что без его ведома никто бы в Монголию не уехал. Проверяли благонадежность, был ли судим, были ли попытки антигосударственных выступлений и все в подобном роде. Потом я и другие десять человек, это было в 1985 г., уехали в Монголию. В ноябре мы начали обучение в монастыре Ганден текчирлинг на богословском факультете, начиналось интересное время — это было начало перестройки. Все препоны, которые были у наших старших товарищей стали исчезать, и в Монголии все это подспудно ощущалось. Мы были экспериментальной группой, потому что в ней не было монголов, нас было 10 бурят. Мы свою пятилетнюю программу, которая специально для нас была создана (она несколько отличалась от монгольской) и была сближена с теми

службами, которые проходили в Иволгинском дацане, осилили за четыре года, то есть после государственных экзаменов мы сразу шли на защиту диплома...» [ПМА].

Несмотря на различия в биографии тех, кому удалось получить образование в Монголии, были и сходные черты для многих выпускников. Ученики, закончившие монгольский буддийский институт, обязательно до поступления должны были иметь среднее образование, а некоторые успели получить и высшее. Большинство из них успело отслужить в рядах Советской армии. Почти все священнослужители, получившие буддийское образование в Монголии, были выходцами из сельской местности, где, как известно, традиционное мировоззрение, культура и обычаи сохранялись дольше, чем в городах. Почти у всех родители и близкие родственники в какой-то степени соприкасались с буддизмом, ходили в дацаны по праздникам, исполняли обряды.

У некоторых служителей буддийского культа среди предков были известные ламы или довольно набожные люди. «...Можно сказать, что с самого детства вокруг меня был особый духовный настрой: мои родители, бабушка ходили в дацан, отмечали все праздники. Несмотря на то, что был пионером, все равно посещал дацан. Брат дедушки был гэсхы Агинского дацана. Нередко с бабушкой приезжали к нему в гости во время хуралов. Можно сказать, мой выбор был predetermined. Этому способствовал традиционный образ жизни в семье...» [Мир буддийской... 2001: 145–150]. Однако непосредственно путь в религию у всех отличался. Сами ламы называли различные причины: «предначертанность с рождения», «знакомство со специальной литературой», «после возникших проблем в жизни», «счастливый случай» и другие.

В 1990 г. были приняты союзный «О свободе совести и религиозных организациях» и республиканский (РСФСР) «О свободе вероисповеданий» законы, которые провозгласили свободу вероисповеданий как неотъемлемое право каждого человека [О свободе совести 1990]. Закон запретил организацию специальных учреждений для наблюдения за деятельностью религиозных объединений. В статье шестой союзного закона провозглашались положения,

согласно которым, граждане теперь могли обучаться религиозному вероучению и получать религиозное образование. Религиозные организации получили право «создавать для религиозного образования детей и взрослых учебные заведения и группы».

Однако новые начинания буддийской церкви в сфере образования натолкнулись на многие объективные трудности. Система подготовки религиозных кадров была уничтожена в 1930-е гг., а хозяйственно-политические связи с Монголией после распада Советского Союза постепенно ослабевали. В этой связи требовалось в кратчайшие сроки восстановить национальную систему подготовки квалифицированных лам. Однако «...систему образования во всей полноте было трудно воспроизвести. Прежде молодые люди начинали обучение с пяти–шести лет. Первоначально их готовили в семье, учили старобурятскому письму, тибетскому языку, и постепенно они приобретали системные знания» [Цыбикова 1991: 3].

В начале 1990-х гг. почти никого из представителей «старой гвардии», получившей духовное образование до религиозных репрессий 1930-х гг., не осталось в живых. В результате практически прервалась линия преемственности буддийского учения. Между старым и новым духовенством образовался временной разрыв, достигший сорока лет: старые ламы постепенно ушли, зачастую не успев передать свои знания и навыки, традиции. Цыбиков Бадма-лама рассказывает: «...У редких моих современников есть коренные учителя в одном лице. Старшие наши ламы: Цырен-лама, Пурбо-лама называли коренным Учителем Жимба-ламу. Когда мы чуть позже, после них, пришли в дацан, то почти все наши почтенные ламы умерли. О нас говорят, что нам еще повезло, мы застали их, первые наставления получили от тех, кто жил в старой традиции. Многое они все же не успели передать, а мы не успели перенять. Но, тем не менее, мне кажется, что и они ушли счастливыми, они видели, что в дацан вернулись молодые люди...» [Мир буддийской... 2001: 145–150].

Выход из ситуации виделся в привлечении к обучению во вновь создаваемых образовательных учреждениях наставников из других стран. Руководством Сангхи в тот момент было признано, что без

такой помощи было не обойтись. В 1993 г. по согласованию с Его Святейшеством Далай-ламой XIV были направлены преподаватели из Дрепун-Гоман дацана (Южная Индия): Лхарамба Жамбал-Ринчин, Ширап Гиатсо, Донам Галсан и Даши Жамсо.

В начале 1991 г. при Иволгинском дацане была открыта буддийская школа, позднее преобразованная в институт «Даши Чойнхорлин» — религиозное высшее учебное заведение для подготовки священнослужителей, преподавателей, переводчиков канонических текстов, художников-иконописцев. Процесс образования стал осуществляться по системе монастырского образования традиции Гоман дацана. В июне 1999 г. им была получена лицензия на образовательную деятельность. С момента открытия школы 120 человек подали заявки на зачисление. На начальном этапе изучались тибетский письменный и разговорный языки, английский, основы буддийской философии. Были приглашены учителя из Монголии, Индии и США. Также была образована специальная группа для обучения людей, плохо владеющих бурятским языком (в основном из числа русских).

К началу 2000-х гг. в институте обучались 167 студентов — хуваракон из Тувы, Алтая, Калмыкии, Москвы, Амурской и Иркутской областей, из различных районов Бурятии и даже из других стран: Украины, Белоруссии, Югославии, Монголии. В институте было образовано четыре факультета: философский (где обучалось 128 студентов), тантрический (31 чел.), факультет медицины, факультет буддийской живописи. Студенты осваивали основы буддийской философии, религиозные обряды, медицину, астрологию, буддийскую живопись. В 1998 г. восстановлена традиционная тантрическая система Дуйнхор под руководством тибетского наставника Агвана Жамсо — воспитанника дацана Намгьял, джуд (тантра) под руководством преподавателя из Индии Тубден Ригзина. Долгое время в институте преподавал тибетский наставник Ело Ринпоче, благодаря которому в институте была введена одна из важнейших дисциплин буддийского духовного образования Чойра (Цаннит).

Помимо основных религиозных дисциплин, студенты изучали основы информатики, историю, культуру и искусство народов

Центральной Азии. Из воспоминаний Дагба-ламы, ширетуя Иволгинского дацана, ректора института: «... стал студентом довольно поздно в 32 года и учился вместе с четырнадцатилетними. Честно говоря, стал думать, что не рожден для этого. Там много давалось на заучивание текстов, а я так, как молодые, запоминать не мог. На первом курсе осенью был предварительный экзамен, на котором последовал провал, и лишь благодаря тогдашнему ректору университета мне удалось остаться. Продолжал учиться, заучивать тексты, одновременно работал в Улан-Удэ, так как у меня были жена и дети. Весной дела у меня пошли лучше, мне даже хотели поставить экзамен автоматом, но на сдаче экзамена присутствовал ректор, который решил проверить мои знания, и я оправдал свою оценку. Потом память моя настолько разработалась, что я мог запомнить восемь строчек за пять минут...» [ПМА].

В 1993 г. буддийский институт при Иволгинском дацане выпустил своих первых священнослужителей. Одной из главных проблем института был недостаток средств, а также квалифицированных преподавателей и переводчиков с тибетского языка. Последние при отсутствии грамотных национальных кадров приобретали особенно важное значение при переводе буддийских религиозных канонических текстов.

Однако единственное образовательное учреждение не могло полностью удовлетворить кадровые запросы возрождающейся буддийской церкви. Уже на рубеже 1980–1990-х гг. возникла идея о необходимости открытия новой школы уже в Агинском автономном округе. Для этого имелись все исторические основания. В XIX в. при Агинском дацане функционировало четыре высших учебных заведения — философии, астрологии, медицины, искусства, существовали своя типография, книжное издательство, которые были закрыты после революции.

В 1991 г., когда Агинский автономный округ посетил Его Святейшество Далай-лама XIV, впервые произошло обсуждение вопроса об открытии буддийского образовательного учреждения. Высокий гость одобрил эту идею, пообещал помочь в поисках преподавателей, и вскоре в Агинский округ прибыли доктора буддий-

ской философии Лхарамба-лама Доном и рабжамба-лама Галсан. Первоначально в 1993 г. была открыта школа тибетской медицины. Аналогов этому заведению в России тогда еще не было. После года своего существования школа получила статус Агинского филиала Института тибетской медицины и астрологии города Дхармасала в Индии, а еще через четыре года, в 1998 г., Агинского бурятского буддийского института.

Школу решено было открыть в некогда ритуальном храме — Джуд-дацане. При финансовой поддержке органов власти округа храм был отреставрирован и отремонтирован. При первом наборе, объявленном летом 1993 г., было принято к обучению 63 человека на три факультета: тибетской медицины, философии и тибетского языка. Минимально необходимым требованием было наличие у абитуриентов среднего образования. Кроме тибетских учителей, были приглашены из Монголии — Эрдэни Дагв-багша, из Внутренней Монголии Китая — Жамбал-багша. В 1998 г. учебное заведение получило государственную лицензию на образовательную деятельность, а вместе с ней — статус Агинского бурятского буддийского института. Занятия здесь начинались с девяти часов утра и с перерывом на обед продолжались до пяти–шести часов. Кроме таких предметов, как «Психология», «Страноведение», «Мировая художественная культура», «Правоведение», «Анатомия», «Буддийская логика», «История буддизма» и других, студенты изучали старомонгольскую письменность, английский, тибетский языки, факультативно — китайский, латинский. Уроки обычно проводились в форме диспутов, причем на тибетском языке. Многочисленные трактаты, молитвы было необходимо заучивать наизусть. Обучение шло четыре года, затем будущим выпускникам предстоял год стажировки в одном из дацанов, в основном в Монголии. Только после этого выпускник мог получить диплом о высшем образовании.

Отличительной чертой буддийского медицинского обучения являлась необходимость получения, сверх этого, — светского высшего медицинского образования [Дамдинжапова 1999: 4]. Только после этого будущие буддийские лекари могли получить соответствующую

щую лицензию на проведение врачебной деятельности, в отличие от философов, которые могли устроиться на работу ламами сразу же после окончания вуза. Одним из основных в институте стал принцип, согласно которому его выпускники могли найти применение своим силам не только в дацанах, но и в светской жизни.

Таким образом, результатом подобной подготовки священнослужителей стала их близость к мирянам и их образу жизни, хотя это также относится к историческим особенностям бурятского буддизма. По мнению некоторых лам, получивших образование еще в Монголии, новое поколение священнослужителей не имело должного понимания проблем церкви и опыта работы, получило недостаточно полное образование. Качество пополнения, которое получило штатное духовенство, благодаря новым выпускникам в начале 1990-х гг., было недостаточно высоким, что во многом углубило кризисное состояние церкви в это время.

Несмотря на большие усилия предпринимаемые руководством Сангхи для возрождения местной образовательной системы, оно отдавало себе отчет в том, что без иностранной помощи и отправки студентов за рубеж практически невозможно восстановить полноценную систему обучения, создать собственную базу для подготовки квалифицированных лам. Поэтому в январе 1995 г., когда первые 25 студентов-хувараков прошли курс обучения в Иволгинском дацане, они были направлены в Индию для дальнейшего продолжения учебы. Именно там нашел убежище Далай-лама XIV, который покинул Тибет в 1959 г., после того как китайское правительство ликвидировало тибетскую автономию. Тибетскому правительству в изгнании удалось в непростых условиях сохранить свою культуру и традицию. Была восстановлена вся инфраструктура буддийского образования. Ежегодно на учебу в Индию приезжали сотни студентов, в том числе из Бурятии. Часть бурятских учеников оказалась в Дхармасале, другая часть — в южных штатах. В целом к началу 2000-х гг. там проходили обучение около 50 человек, 17 из них в городе Дхармасала, где располагалась резиденция Его Святейшества Далай-ламы XIV.

Получать образование там было довольно трудно «...очень непривычный климат, несколько месяцев в году идут дожди, не-

привычно жаркая погода, острая пища. Вначале было очень трудно к этому привыкнуть, многие студенты не выдерживали. Особая система образования, согласно которой, человек должен был пройти обучение во всех факультетах. Учеба длилась 16 лет, по окончании которых выпускник получал ученую степень геше-лхарамба...» [ПМА].

Таким образом, возрождение образовательной системы подготовки лам в Республике Бурятия в период 1970–2000-х гг. происходило в сложных условиях. Основными проблемами, с которыми столкнулись руководители Сангхи, являлись политика государства в советское время, отсутствие квалифицированных преподавателей для подготовки учащихся, недостаток средств, отсутствие переводчиков с тибетского языка, необходимость дальнейшего обучения выпускников за рубежом. В условиях постсоветского времени стало возможным создание собственного буддийского образовательного учреждения. В результате в 2000-е гг. в Бурятии были сформированы и функционируют два института по подготовке лам — при Иволгинском и Агинском дацанах. Регулярно приглашаются для чтения курсов и обучения тибетские ламы из Китая и Индии. В свою очередь, выпускники институтов имеют возможность продолжить свое обучение в Дхармасале (Индия) и в Монголии, что является необходимым условием их успешной деятельности в Бурятии.

Полевые материалы автора (ПМА)

Интервью с ширетугем Тамчинского дацана С. Л. Аюшеевым. Февраль 2005 г.

Интервью с Аюр-ламой и Жаргал-ламой, преподавателями Иволгинского дацана. Январь 2005 г.

Литература

Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность. Мат-лы конф. (23–24 июня 2001 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 193 с.

Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во., 1971. 144 с.

Дамдинжапова О. Тибет в Агинских степях // Правда Бурятии. 1999. 24 фев.

Кочетов А. К. Ламаизм. М.: Наука, 1973. 199 с.

Лыгденова В. В., Дашинамжилов О. Б. Трансформация и развитие буддийской церкви Республики Бурятия в постсоветский период (1990-е – начало 2000-х годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 366–368.

Мир буддийской культуры: Мат-лы межд. симпозиума (10–14 сент. 2001 г.). Агинское – Улан-Удэ – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2001. С. 145–150.

О свободе совести и религиозных организациях // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №41. Ст. 813; Определение о принятом Законе СССР о свободе совести // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. Ст. 241[Электронный ресурс] // URL.: <http://www.bogoslov.ru/text/373504.html>.

Петров В. Разговор с буддийским астрологом // Информ-Полис. 2001. 28 мар.

Современные проблемы буддизма, шаманизма и православия. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1980. 132 с.

Урбанаева И. С. Значение философско-этического потенциала буддизма для человечества в ситуации вызовов третьего тысячелетия // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. С. 6–20. 160 с.

Цыбикова Л. Гомо советикус: от борьбы к духовному возрождению // Правда Бурятии. 1991. 15 окт.

Чимитдоржин Г. Г. Иволгинский дацан «Гандан Даши Чойнхорлин. 1946–2001 гг. История, события и люди. Верхняя Иволга, 2001. 80 с.